

ЮЛИЯ ДЕН
ВЛАДИМИР ФОМИН

Верная подруга Императрицы

Юлия Ден

Верная подруга Императрицы

«Издательские решения»

Ден Ю.

Верная подруга Императрицы / Ю. Ден — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933184-7

Эта книга принадлежит перу человека, являвшегося «своим» для Царской семьи, видевшим и знавшим положение дел внутри Царского Дома. Эта книга впервые появилась на свет в Лондоне в 1922 году на английском языке. В настоящем произведении изложены и показаны некоторые архивные документы, которые не были представлены в английской версии книги. Читая книгу, вы переноситесь во времена, Императора Николая II. Вы переживете, как и чем жила семья Императора.

ISBN 978-5-44-933184-7

© Ден Ю.

© Издательские решения

Содержание

Верная подруга Императрицы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Верная подруга Императрицы

Юлия Ден
Владимир Фомин

© Юлия Ден, 2018

© Владимир Фомин, 2018

ISBN 978-5-4493-3184-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эти рукописи и рассказ – принадлежат человеку, являвшегося «своим» в Царской семье, видевшим и знавшим положение дел внутри Царского Дома. В Царской семье Юлию Александровну Ден звали Лили.

Эта книга впервые появилась на свет в Лондоне в 1922 году на английском языке.

В настоящем произведении попытаюсь Вам изложить и показать некоторые архивные документы, которые не были представлены в английской версии книги, для того, чтобы читатель смог понять и представить, как и чем жила Императорская семья в те трудные времена, которые пришлось пережить.

Верная подруга Императрицы

– «Моя дорогая, Вы всегда были таким молодцом. Вспоминаю эти дни, год тому назад. Никогда не забуду, что Вы сделали для меня, и твердо верю, что Господь Вас не оставит. Вы тогда бросили Вашего сына ради „Матери“ (Государыни) и её семьи, и за это великая будет Ваша награда»
(из письма Императрицы Александры Федоровны Тобольск,
2 (15) марта 1918 г.)

Юлия Александровна была из дворянской семьи. Отец ее был генерал Селим Бек Смольский, а матерью – Екатерина Леонидовна, во втором браке Велицкая. В 1907 году вышла замуж за капитана 2-го ранга Карла Акимовича фон Дена (1877—1932), проходившего службу в Гвардейском экипаже (в 1916 получил в командование крейсер «Варяг», выкупленный у японцев), в это же время произошло знакомство с Александрой Федоровной. Императрица ценила её ум, рассудительность, спокойную уравновешенность. В императорской семье «Лили» называли другом, такого звания удостоивались единицы. Император Николай II в феврале 1917 г. писал Александре Федоровне: «Видайся чаще с Лили Ден – это хороший, рассудительный друг. Александра Фёдоровна стала крестной матерью сына Лили – Александра Карловича (1908—1980), которого называла Тити и который стал именовать царицу тетей Бэби. Свою верность царской семье Юлия Александровна доказала во время февральской революции, она осталась в Александровском дворце и помогала Александре Федоровне в трудную минуту, несмотря на то что в Петрограде остался её сын.

Детство в Ревовке и в Крыму. Но любила я Ревовку и всякий раз, как отправлялась в гости к дяде, жившему в Ливадии, брала с собой горсточку земли со своей родины. Самым важным событием в жизни в Ревовке был приезд из Сибири дядюшки Хорвата, раз в год навещавшего мою бабушку. Он был начальником Сибирских железных дорог и занимал должность, которая соответствовала должности вице-короля Ирландии. Он был типичным представителем рода Хорватов – высокий, пронизательные добрые глаза – и отличался большим умом. Когда он приезжал, я совсем не ложилась спать. Помню, как мы встречали рассвет. До Ревовки дядюшка добирался три часа утра. Очень трогательно было видеть их встречу с бабушкой. Они были

очень привязаны друг к другу, да и я относилась к нему как к самому большому другу и любимому родственнику.

в Ревовке и в Крыму

В школе я не училась. Первым моим наставником был священник, но, так как я почти не знала русского (дома мы всегда говорили по-французски), а он не знал французского, я мало что сумела узнать. Зато мисс Райп, английская гувернантка, взялась за меня. Правда, мне представляется, что она находила нас весьма отсталыми людьми. Наш старый дом охранял ночной сторож. Его покашливание и тяжелые шаги я воспринимала как колыбельную. Всякий раз как сторож отправлялся на лодке в город, он довольно необычным способом «вызывал» горничную моей бабушки. Это был неграмотный крестьянин и время измерял по-своему. Он подходил к окну комнаты, в которой жила служанка, и сообщал ей о том, что в небе возшла такая-то и такая-то звезда. Посредством нехитрых расчетов девушка могла судить, сколько ей еще можно нежиться в постели.

Зима в Ревовке была чудесной порой года. Мне нравилось ощущение праздника, которое она вызывала, и я любила кататься на старинных саниах – с узорами, с золочеными деталями. Сани современные – с коврами и медвежьими полостями – были не такими нарядными. У англичан сани всегда ассоциируются с волками, они воображают, что поездка зимой на саниах в России непременно сопряжена со смертельной опасностью. Опасность, которую представляют собой волки, превращается в легенду. А между тем в нынешние времена волки встречаются лишь в местностях, удаленных от населенных пунктов.

Правда, в Ревовке придерживались старинного обычая и на ночь перед воротами конюшен вешали зажженные фонари, с тем чтобы отпугивать волков. Но однажды, гуляя по парку, как-то вечером я встретила ненароком волка. Прежде мне никогда еще не доводилось сталкиваться нос к носу с этими хищниками, поэтому я решила, что крупное серое животное – это собака. Я окликнула ее, бросилась к «милрой собачке», чтобы поближе с ней познакомиться, но животное лишь взглянуло на меня исподлобья недобрыми зелеными глазами, а затем повернулось и потрусило рысцей прочь. Придя домой, я рассказала о встрече со странной собакой. Каково же было мое удивление, когда мой рассказ вызвал всеобщую тревогу, и несколько человек отправились взглянуть на следы. Оставшиеся на снегу отпечатки оказались типично волчьими, но нашего незваного гостя и след простыл.

Когда я была еще молоденькой девушкой, в России начали проявляться признаки недовольства, вскоре приведшие к революции. В 1905 году, когда я гостила в Ливадии у одного из моих дядей, который служил управляющим имениями Императора в Ялте, нам довелось познакомиться с методами, к каким прибегали в своей подрывной работе революционные агенты. Теперь хорошо известно, что ядовитые семена революции были посеяны в основном в Ялте, но тогда было просто ужасно наблюдать лодки, разукрашенные красными флагами, и слышать звуки «Марсельезы», доносившиеся со стороны моря: дядя запретил проводить на суше всякие политические сборища. Однажды обнаружили, что золотые двуглавые орлы, обозначавшие границы царских владений, сломаны и сброшены на землю, но этот акт вандализма сочли делом рук евреев и самых горячих голов из числа студенчества.

В Крыму разгорались страсти. Во дворце Великого князя Константина в Ореанде, по какой-то причине пришедшем в упадок, работало несколько подпольных типографий. Мне давно хотелось побывать в полуразвалившемся особняке в Ореанде, и однажды я уговорила своих кузенов сходить туда со мной. Предприятие это было рискованное, но мы сочли, что наше непослушание может быть с лихвой вознаграждено открытием каких-нибудь подземных ходов, за изучение одного из которых мы тотчас же и принялись. Приближаясь к концу прохода, мы услышали отдаленные голоса, нарушавшие тишину. Перепуганные до смерти, мы не знали, что нам делать: то ли скрыться, то ли, собравшись с духом, идти дальше и узнать, что это за звуки и откуда они доносятся. Любопытство в конце концов преодолело малодушие. Мы осторожно двигались вперед до тех пор, пока не увидели большой костер, освещавший темноту. Решив, что мы добрались до преддверия ада, мы кинулись бежать прочь и, невзирая на опасность наказания, сообщили дядюшке о местонахождении преисподней. В известном смысле это действительно была преисподняя, поскольку стало известно, что тайная типография находится под землей, что злобная пропаганда против существующего строя была обязана своим происхождением Ореанде.

Хотя именно евреи больше всех мучили воду, скорпион, жаливший власть, подчас и сам получал укусы, а в 1905 году дело дошло до погромов. Многие утверждают, что революция началась с расправ над еврейским населением после того, как солдаты, вернувшиеся с русско-японской войны, позабыли о дисциплине и принялись немилосердно преследовать евреев.

Моя мама, которая вторым браком была за офицером полка, расквартированного неподалеку от нашего имения, узнала о начавшихся беспорядках в тот самый момент, когда мы подъезжали к городу. Она сначала не поверила, что это возможно, но затем убедилась, что предупреждение было не напрасным. Сначала мы увидели людей, мчавшихся по полям куда глаза глядят, а когда добрались до населенного пункта, то увидели нечто невообразимое. Погромщики били окна, грабили еврейские лавки, вытаскивали оттуда товары, а возаки громили, невзирая на протесты бедных иудеев, швыряли их толпе. Особенным спросом пользовались белые и черные одежды, применяемые при богослужении: утверждали, будто кусок такой ткани, если его надеть на голое тело, защищает от болотной лихорадки.

Юлия Ден

На следующий день, гуляя по парку, я оказалась рядом с аллеей, пересекавшей парк. К своему удивлению и ужасу, я услышала невероятные высказывания, которыми делились между собой прохожие.

– Сейчас мы взялись за жидов, – произнес один из них, прибавив непечатное слово, – а потом примемся за других. На то у нас есть приказ. Скоро наступит черед помещиков!

Выяснилось, что громила не бросал слов на ветер. Спустя несколько дней вокруг нашей усадьбы начались пожары и грабежи. С веранды нашего дома было видно расширяющееся кольцо огня. Наши крестьяне предупредили нас, что на очереди наша усадьба. Однако беда обошла нас стороной. Правда, одним из первых было уничтожено поместье госпожи Чеботаревой, крупной помещицы и сторонницы революционных преобразований. Впоследствии ее сослали в Сибирь. Судьба сыграла с нею злую шутку, но, на мой взгляд, справедливость возторжествовала!

Когда волнения утихли, на свет появилась Дума, где впервые встретились представители всех классов населения. На усмирение восставших крестьян были посланы войска. Многих из бунтовщиков солдаты секли розгами. Среди бунтовщиков наших крестьян не оказалось. Мне отвратительна была мысль о том, чтобы пороть людей. Несмотря на мой юный возраст, я понимала, что наш класс повинен во многих несправедливостях и поэтому мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы исправить зло. Однако порка по отношению к виновным оказалась наиболее эффективным и наиболее понятным средством против бунтовщиков. Порка – варварское наказание, особенно в глазах английской публики. Однако она оказалась сущим пустяком по сравнению с жестокими и утонченными расправами, которыми впоследствии ответили выпоротые злоумышленники тем, кто их порол.

Вскоре совсем иные события заставили меня забыть о бунтах и наказаниях. Вместе с бабушкой мы отправились в Петроград, где начались приготовления к моей свадьбе. Когда меня представили ко Двору, я уже была обручена. Женихом моим был Карл Ден, принадлежавший к старинному шведскому дворянству. Его предки обитали в северных провинциях еще

со времен крестовых походов. Представители их семейства были в основном генералы и офицеры, находившиеся на царской службе. Карл Ден принимал участие в подавлении Боксерского восстания», а во время осады Пекина он первым из офицеров поднялся на стену Запретного Города, чтобы выступить на защиту посольств западных стран. За свой подвиг он был награжден орденом Св. Георгия (русский эквивалент Креста Виктории), а послы разных стран, имевших свои представительства в Пекине, ходатайствовали о его награждении орденом Почетного Легиона.

Вернувшись в Петроград, он был представлен Императору, который назначил его офицером своей яхты «Штандарт», а также офицером Гвардейского экипажа, многие из которых были удостоены личной дружбы Императора.

Капитана Дена очень любили маленький Цесаревич и Великие княжны, он часто играл с ними у них в детской и получил от них прозвище Пекинский Ден. Как Государь, так и Государыня с большим интересом отнеслись к его помолвке, и Императрица доверительно сообщила моей матушке, что желала бы познакомиться со мной лично.

О нашей помолвке было официально объявлено в 1907 году, но прежде, чем нас приняла Императрица, мы ждали месяц. Великая княжна Анастасия Николаевна хворала дифтеритом, и Государыня ухаживала за дочерью – сначала в Александровском, затем в Петергофском Дворце, где они находились в полной изоляции от остальных членов Императорской семьи до тех пор, пока не миновала опасность инфекции.

Я прекрасно помню свою первую встречу с Той, Которую мне суждено было полюбить беззаветно и чья неизменная дружба была для меня одной из самых больших радостей в жизни. Однажды июльским утром мы с бабушкой приехали в Петергоф, где на вокзале нас ждали мой жених и придворная карета. Я буквально тряслась от страха и была настолько взволнованна, что едва обратила внимание на Карла!

Вскоре мы добрались до Александрии», но, поскольку Императрица все еще опасалась заразить кого-нибудь, было условлено, что представят меня в Зимнем саду, примыкавшем ко Дворцу. Во Дворце нас приняла гофмейстерина Императрицы княгиня Голицына, походившая на свой собственный портрет и настолько строгая, что вы боялись малейшей оплошности при соблюдении правил придворного этикета. Однако с нами она была очень любезна и приветлива. Мне почему-то показалось, что мое простое белое платье от Брессак и шляпка, украшенная розами, пришлись ей по вкусу.

Мы направились к Зимнему саду, и в этот момент на одной из аллей я заметила даму, которая остановилась и внимательно посмотрела на меня. Она была невысокого роста, простодушное детское лицо, большие обворожительные глаза; ее можно было принять за школьницу. Дама эта оказалась Анной Вырубовой, чье имя впоследствии неизменно связывали с именем Распутина и чья дружба с Императрицей послужила причиной для множества ни на чем не основанных слухов и скандальных историй.

В ответ я пристально посмотрела на нее, и вместе с княгиней мы продолжили путь к Зимнему саду. В нем было множество красивых тропических цветов и пальм.

Казалось, что вы попали в райский сад. Во всяком случае, так думала я, пока не увидела прозаически удобные садовые стулья и заметила игрушки и кукольный домик. Лишь тогда я поняла, что нахожусь не в райском, а в земном саду!

Среди густой зелени неторопливым шагом выступала высокая, стройная женщина. Это была Императрица! Сердце у меня забилося, я с восхищением смотрела на Нее. Я даже не представляла себе, что Она настолько прекрасна. Никогда не забуду Ее красоту, открывшуюся мне в то июльское утро, хотя гораздо глубже в мою память врезался образ Государыни, вынесшей множество невзгод и страданий, – трогательный и святой образ.

Государыня была в белом. Шляпка драпирована белой вуалеткой. Нежное белое лицо, но, когда Она волновалась, щеки Ее покрывались бледно-розовым румянцем. Рыжевато-золоти-

стые волосы, синие глаза, наполненные печалью. Гибкий, тонкий, как тростинка, стан. Помню великолепные жемчуга. При каждом движении головы в бриллиантах Ее серег вспыхивали разноцветные огни. На руке простой перстенок с эмблемой свастики – излюбленным ее символом возрождения, – с которой впоследствии было связано множество всяких домыслов и предположений, будто Императрица была склонна к оккультизму. Эти досужие люди просто не понимали, что на самом деле значила для нее эта эмблема.

Княгиня Голицына тотчас оставила нас одних. Государыня протянула бабушке и мне свою руку, и мы ее поцеловали. С милой улыбкой, глядя на нас с такой лаской, Императрица проронила:

Княгиня Голицына

– Садитесь прошу вас – Затем обратилась к капитану Дену: – Когда же состоится свадьба? Моей нервозности как не бывало. Страха я уже не испытывала. Мне даже показалось, что Императрица сама стесняется. Но, как я узнала впоследствии, Государыне, как и ее кузине, герцогине Файфской, свойственна была Застенчивость в присутствии незнакомых лиц. Однако в Петрограде светская чернь в излишней застенчивости Императрицы усматривала немецкую заносчивость! То же, вслед за клеветниками, говорили и даже некоторые английские авторы. Государыня довольно долго беседовала с бабушкой: Ей хотелось узнать новости о Своей сестре, Великой княгине Елизавете Федоровне. Затем поговорила с моим женихом, и я заметила, что по-русски Она говорит с заметным английским акцентом. Потом Она обратилась ко мне, назвав меня смущенной героиней нынешнего утра, и с удовольствием отметила мой интерес к игрушечному домику.

– А где вы намереваетесь провести свой медовый месяц? – спросила Императрица с лукавой искоркой в синих глазах. Мы ответили. – Ах, вот что!.. Надеюсь, что очень скоро мы с вами снова увидимся. Я совершенно одинока. Не могу встречаться ни с мужем, ни с детьми. Поскорей бы закончился этот несносный карантин, тогда мы снова сможем быть вместе.

Наша встреча продолжалась больше получаса. С моей бабушкой и со мной Государыня беседовала по-французски и не пыталась перейти на немецкий. Затем поднялась, чтобы попрощаться, и мы поцеловали Ей руку.

– Очень скоро мы с вами снова увидимся, – повторила Она. – Непременно сообщите Мне, когда вы вернетесь.

Я вернулась в Петроград сама не своя от счастья. То не было тщеславной радостью человека, принятого Императрицей. Счастье мое было совсем иного рода. Я почувствовала душой, что обрела друга, человека, которого смогу полюбить и который, я смела надеяться, сможет полюбить меня! Я была так переполнена эмоциями, что, придя домой, бросилась в изнеможении на постель прямо в платье и шляпке и тотчас уснула. Спала я до четырех часов дня. Два месяца спустя, покинув дом тетушки в Ливадии, я вышла замуж.

Перед отъездом в Крым Государь принял капитана Дена и благословил его чудной иконой в окладе из позолоченного серебра. Императрица тоже благословила его иконой, а в день свадьбы мы получили от Их Величеств радиogramму с пожеланиями счастья. Эта радиogramма, как мы впоследствии узнали, вызвала множество разговоров и завистливых взглядов, поскольку связь по радио, тогда еще находившаяся в зачаточном состоянии, как все полагали, должна применяться лишь для важных официальных сообщений.

Медовый месяц мы провели на Кавказе, среди виноградников, где прожили три недели. Наступила осень, окрасившая природу в багряные и золотистые тона. Я была в восторге от дикой прелести той горной местности. Мне хотелось услышать все легенды и сказания, связанные с нею и с ее обитателями. Мне мнилось, будто я слышу стук копыт кентавров, скачущих в ночной тиши по каменистым тропам. Гагры оказались идеальным для медового месяца селением, и мне было даже жаль возвращаться к себе в Ревовку, хотя там нас ждал поистине королевский прием со стороны бабушки и ее арендаторов-крестьян. Хотя от села до ближайшей железнодорожной станции было два с половиной десятка верст, вся дорога от нее и до самого имения была освещена горящими бочками со смолой, а на каждом повороте дороги нас встречали хлебом-солью. Само собой, поездка наша несколько затянулась, а в конце пути нас ждал свадебный подарок -пара волов.

Моя замужняя жизнь началась при самых благоприятных обстоятельствах. Карл обещал мне, что всегда будет служить в личной охране Государя, и я в душе была убеждена, что мое будущее будет неразрывно связано с судьбой Императорской Семьи. Убежденность эта отнюдь не основывалась на каких-то меркантильных расчетах, у меня и в мыслях не было извлекать какую-то материальную выгоду из того расположения, которое питал Государь к моему мужу. Моя первая встреча с Императрицей произвела на меня неизгладимое впечатление. Хотя и было бы смешно видеть что-то печальное в том чудном видении, которое предстало моему взору в Зимнем саду Александрии, тем не менее у меня возникло предчувствие чего-то рокового, связанного с личностью Государыни. Время показало, что мое предчувствие оправдалось. Нашим первым семейным очагом был Аничков Дворец, резиденция Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, где были расквартированы гвардейцы, но затем мы переехали в Царское Село. Дом наш находился напротив Дворца, неподалеку от казарм полка. Офицеры личной охраны были личности весьма живописные: каждый из них носил форму того полка, из которого он был отобран в Сводно-пехотный полк. Особой формы полк не имел. Состоять в нем было само по себе великой честью.

Часто, когда муж дежурил, я прогуливалась по огромному Царскосельскому парку. Дворец восходит к временам Екатерины Великой, и все торжественные приемы происходили именно в нем. Семья Государя Императора Николая II Александровича жила в Александровском Дворце – белом здании, построенном в стиле неоклассицизма. Дворец имел четыре подъезда. Один из них использовался исключительно их величествами, два других – во время приемов, а через четвертый входили и выходили лица из Свиты Государя. Дворец со всех сто-

рон был окружен парком, в котором были выкопаны живописные пруды и каналы, находилась китайская беседка и мост, соединявший Екатерининский парк с Александровским. Молодая замужняя женщина, к тому же имевшая множество добрых родственников и друзей, я была вскоре принята в светское общество. В 1907 году, всего два года после окончания Русско-японской войны, было не до веселья, поскольку еще многие семьи носили траур по погибшим, поэтому те лица, которые искали увеселений при Дворе, были разочарованы. Государыня придерживалась того мнения, что война еще слишком свежа в памяти всех, чтобы предаваться развлечениям. Она была совершенно искренна, но Ее взгляды не встретили сочувствия в светских кругах. Светская чернь, враждебно настроенная против государыни, заявляла, будто Императрица Всероссийская принадлежит обществу, а не себе самой.

И обязанность Ее в том, чтобы исполнять роль великолепного носового украшения на увеселительном корабле: война, дескать, позади, а свету нужны все новые и новые удовольствия и пустые забавы. Петроградское общество состояло из отдельных партий; каждый великокняжеский двор имел свою собственную клику. Особенно падким на удовольствия, пожалуй, был двор Великой княгини Марии Павловны, супруги Великого князя Владимира Александровича. Великие князья в большинстве своем жили веселой жизнью. Как правило, они обладали красивой внешностью – совсем как герои романов. Многие из них были большими поклонниками Императорского балета, а также танцовщиц из этого балета.

Даже в 1907 году, когда в Петрограде жизнь, как полагали, была скучна, люди не отказывали себе в дорогостоящих удовольствиях. По воскресеньям ходили смотреть балет, а по субботам – во Французском театре – очень модное место встречи влюбленных, где чересчур глубокие декольте дам сочетались с изобилием ювелирных изделий. После спектакля было принято отправиться в ресторан Кюба или в «Медведь», где слух ужинающих услаждали музыканты великолепного румынского оркестра. Никто не думал уходить из ресторана раньше трех утра, а офицеры обычно оставались и до пяти!

Иногда, возвращаясь под утро домой, я сравнивала рассвет, который наблюдала в Ревовке, с петроградскими зорями. Те же перламутровые, розовые и серебристые тона окрашивали небо; только на юге России вы не видели ночных бабочек с крылышками, опаленными пламенем страстей. Я была еще совсем юна и наслаждалась жизнью, но подчас меня охватывало мрачное предчувствие: не к добру это суетное веселье, не к добру.

Средством общения в петроградском обществе был английский язык: на нем неизменно говорили при Дворе. Некогда было модно заводить немецких нянь; в 1907 году вошло в моду нанимать англичанок, и многие русские, не знавшие английского языка, говорили по-французски с английским акцентом! Чрезвычайно популярен был торговый центр Дрюса, где встречались с друзьями, покупали английское мыло, парфюмерию и платья. Привычка приобретать все «от Дрюса» была заимствована у Двора, где особым спросом пользовались английские товары. В Петрограде особой жизнью жило еврейское сообщество и финансовые круги, но ни с теми, ни с другими мы не соприкасались.

Большое разнообразие в жизнь общества после окончания японской войны вносили благотворительные базары. Один из таких базаров Великая княгиня Мария Павловна неизменно устраивала в помещении Дворянского собрания – огромного здания, где множество ультрамодных дам из великосветского общества продавали всевозможные красивые и дорогие безделушки. Великая княгиня Мария Павловна (урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская) располагалась в центре зала со своим собственным столом, за которым и продавала разные изделия. Это была высокая, внушительного вида дама, правда не такая красивая, как супруга Великого князя Кирилла Владимировича, которой я иногда помогала в торговле.

Каждая Великая княгиня имела свой собственный столик, расположение которого указывало на ее значение в обществе. Благотворительные базары представляли собой как бы светские вечера, где можно было блеснуть своими туалетами. Нередко участницы таких базаров

меняли туалеты три раза в день. В воздухе стоял густой аромат духов, повсюду множество цветов, а дамы, продававшие вещи, устав, подкреплялись лучшими сортами шампанского.

У Государыни был Свой столик в Дворянском собрании, и однажды я участвовала в распродаже. Вместо того чтобы заказывать какие-то предметы в Париже или Лондоне, многие изделия Императрица изготавливала собственноручно. В этой привычке проявлялись простота и естественность ее натуры. На Ее столике не было ни одного бесполезного предмета. Она была верна Своей природе, природе всех потомков Королевы Виктории. Подобно Английской Королеве Марии, Она любила шить. Так же, как и она, Государыня вязала много красивых шерстяных изделий для такого рода благотворительных базаров.

С Анной Вырубовой, о которой было столько разговоров, я познакомилась сразу после своего приезда в Царское Село. Она приходилась мне отдаленной кузиной, поскольку ее дед и моя бабушка были родственниками. Говорить об Анне Вырубовой мне чрезвычайно трудно, поскольку в обществе сложилось в отношении нее определенное и весьма предубежденное мнение. В Англии ее считают коварной, как Борджиа, героиней фильмов, чувственной истеричкой, любовницей Распутина и злым гением Императрицы Александры Федоровны. Полагают, что политическое ее значение можно сравнить с влиянием Сары Дженнингс или Екатерины Дашковой, не говоря уже о роли в жизни Двора.

Если я отмету все эти обвинения в ее адрес, то меня обвинят в слепоте и необъективности и сочтут недостойной всяческого доверия. И все же, каковы бы ни были последствия, я расскажу об Анне Вырубовой, какой я знала ее со дня нашего знакомства в 1907 году и до мартовского дня 1917 года, когда нас обеих по приказу Керенского разлучили с Царской Семьей, оставшейся в Царском Селе.

Отец Анны, статс-секретарь А.С. Танеев, был Главноуправляющим канцелярией, и все ее родственники были связаны со службой Императорской Семье. Она вышла замуж в том же году, что и я, но до брака была влюблена в генерала Орлова, командовавшего уланами, большого друга Императрицы. Справедливо или нет, но Ее Величество сочла, что генерал Орлов слишком стар для Анны, и, хотя генерал любил ее и желал лишь одного – жениться на ней, Анна подчинилась воле Императрицы и приняла предложение лейтенанта Вырубова. Их венчали в придворном храме в Царском Селе. Брак их оказался неудачным.

Как мне представляется, Императрица приняла особое участие в жизни Анны потому, что чувствовала себя косвенно повинной в семейной трагедии А. Вырубовой. К своим обязанностям Государыня относилась крайне ответственно, и самыми яркими особенностями ее характера были добросовестность и обостренное чувство справедливости. Ей было нетрудно проявить больше доброты к женщине, к которой Она и без того была привязана и которая так явно страдала. Анна принадлежала к тому типу женщин, у которых вечно такой вид, словно кто-то их обидел. Невольно хотелось отнестись к Анне по-матерински, как-то развлечь ее, услышать от нее доверительные признания и посмеяться над ее преувеличенными радостями и печальми.

Анна Вырубова в Царском селе

Внешне Анна совершенно не похожа на ту Анну Вырубову, какую изображают в фильмах и в книгах. Более того, она совсем не такая, какой мы ее видим и в более серьезных описаниях, посвященных ей. Она среднего роста, каштановые волосы; большие, красивые серо-голубые глаза, отороченные длинными ресницами; небольшой вздернутый носик. У нее детское лицо – белое и румяное. В отличие от вампира Анны, какой ее изображают в романах, она увы, очень полная. Но у нее чарующая улыбка, красивый рот. Она была слабой, податливой и в то же время привязчивой, цепкой – как плющ, обвивающийся вокруг дерева. Императрица относи-

лась к ней, как относятся к беспомощному ребенку. Анна была чрезвычайно добродушной, всегда готовой помочь ближнему, она не могла себе представить, что кто-то способен причинить людям зло. Эта ее добродетель (а я полагаю, что такое свойство следует считать добродетелью) и привела в конечном счете к падению Анны. Она была слишком доверчивой и поэтому слишком подвержена чужому влиянию. Она обожала Императорскую Семью, была предана ей так, как были преданы Стюартам их сторонники, однако – я сделаю заявление, которое, возможно, будет воспринято читателями с усмешкой, – она не оказывала на нее никакого политического влияния. Ей было просто не под силу сделать это. Императрица ласкала Анну, поддразнивала, бранила ее, но никогда не интересовалась ее мнением, за исключением вопросов, касающихся благотворительности.

Правда, Императрицу и Ее бывшую фрейлину объединяла религия. Окруженные неприязнью и завистью, они разделяли общие религиозные пристрастия, и, поскольку Анна не могла найти общего языка с враждебным окружением, Государыня неизменно вставала на защиту Своей протекции. Анна рассказывала мне, что многие фрейлины недолго любили Императрицу только потому, что Ее Величество дружит с ней. Хотя она неоднократно заявляла Императрице, что если бы ей, Анне, была предложена какая-то официальная должность при Дворе, то все завистливые и враждебные разговоры тотчас бы стихли; Государыня даже не стала рассматривать подобного рода предложение.

Позднее, когда я сблизилась с Государыней, Она объяснила мне причину Своего отказа.

– Я никогда не дам Анне официального места при Дворе, – заявила Она. – Она Моя подруга, и Я хочу, чтобы она ею и осталась. Неужели Императрицу можно лишить права, какое имеет любая женщина, – права выбирать себе друзей? Уверяю вас, Лили, Своих немногочисленных подлинных друзей Я ценю гораздо больше, чем многих лиц из Моего окружения.

Через четыре года после своего замужества Анна Вырубова попала в железнодорожную катастрофу. После этого она смогла ходить только на костылях, тело ее было изуродовано, но даже после этого клеветники не оставили ее в покое, а некоторые злые языки в Петрограде утверждали, будто Анна Вырубова не только подруга Государыни, но и любовница Императора!

После несчастного случая Государыня подарила Анне коляску, карету и пару лошадей и часто выезжала вместе с нею. Анна Вырубова поселилась в небольшом красивом домике, некогда принадлежавшем Императору Александру I. Проведя утро во дворце, обедала она обычно у себя дома.

Дети любили ее, как любили Анну все, кто ее знал, и наилучшим доказательством ее полнейшей безвредности служит тот факт, что после революции никому в голову не пришло приговорить ее к смерти. Уж если бы она действительно была таким опасным существом, то наверняка новые власти тотчас бы расправились с ней. Однако Анна Вырубова жива и поныне и, возможно, когда-нибудь захочет сказать слово в свою защиту». Как-то в понедельник, вскоре после моего замужества, я получила записку от Анны, которой она приглашала меня пообедать у нее в тот же вечер. Капитан Ден несколько дней находился в Петрограде, и, поскольку мне было довольно одиноко, я приняла ее приглашение с готовностью. Обед прошел очень весело, приглашено было несколько офицеров, среди гостей была и Эмма Владимировна Фредерикс, дочь министра Императорского Двора. В половине десятого послышался стук колес, и возле дома остановилась карета. Анна тотчас вышла из комнаты, и спустя несколько минут дверь открылась и, к нашему большому изумлению, в столовую вошли Их Величества и Великие княжны. Все Они смеялись, так как внезапный этот визит был заранее устроен Императрицей. Сев на стул, Она предложила всем последовать ее примеру и жестом подозвала меня к себе.

Анна Вырубова после аварии

– «Я же вам говорила, что очень скоро мы с вами снова увидимся», – проговорила Она с улыбкой, а затем очень дружелюбно и непринужденно стала со мной беседовать.

У меня снова появилось предчувствие – странное, необъяснимое предчувствие какой-то грядущей беды, но в той ярко освещенной, наполненной веселыми людьми столовой было нелепо думать о какой-то трагедии, а когда меня представили Государю, от моих мрачных мыслей не осталось и следа.

Я впервые получила возможность разговаривать с Его Величеством и нашла Его столь же располагающим к Себе и приветливым, как и Ее Величество. Добрые глаза Государя, Его улыбка произвели на меня неизгладимое впечатление. Казалось, Царя окружала аура доброжелательства, а непринужденные чарующие манеры признавали даже Его враги. Что же касается господина Керенского, то он отметил, что Государь был одной из самых благородных личностей, с какими только ему доводилось встречаться.

Государь, который как две капли воды был похож на Своего двоюродного брата, Английского Короля Георга V, был остроумным собеседником и к тому же наделен тонким чувством юмора. В Его обществе я и сама почувствовала себя в своей тарелке. Меня представили Великим князьям, тогда еще совсем девочкам, с которыми мне впоследствии удалось близко подружиться.

Поскольку Императрица высказала пожелание сыграть в карты, мы сыграли две или три партии. Императрица была большой любительницей «альмы», но ей свойственна была маленькая, но простительная слабость, Она не любила проигрывать! В соседней комнате Император играл в домино, потом Эмма Фредерикс пела, причем аккомпанировала ей Императрица. Ее Величество была великолепной пианисткой и играла с удивительным подъемом, но Ее крайняя застенчивость зачастую мешала Ей проявлять свое искусство в присутствии посторонних. В полночь Императорская Семья распрощалась с нами, и Ее Величество шепнула мне:

– До свидания, до завтра.

Государыня не забыла своего обещания. На следующий день мне было велено явиться во Дворец. Это был вторник. Помню, как я этому обрадовалась. «Все хорошее происходит во вторник», – твердила я. Я это заметила уже давно.

После встречи с Ее Величеством в домике у Анны я часто наезжала в Царское Село. Вместе с Великими княжнами мы катались на американских горах, установленных в одном из помещений Дворца. Мы целыми часами развлекались, получая от катания огромное удовольствие. Я совершенно забывала, что я замужняя женщина и надеюсь через несколько месяцев стать матерью. Однако Ее Величество, по-видимому, догадалась, что я в положении, и однажды, после того как Государыня и Анна понаблюдали за нашими забавами, последняя отвела меня в сторону.

– Лили, – проговорила она. – Мне нужно вам кое-что сказать. Ее Величество желает, чтобы вы были особенно осторожны. – Анна шаловливо погрозила пальчиком: – Так что больше никаких американских гор!

В последующие месяцы Государыня проявляла по отношению ко мне чрезвычайную заботу. Она настаивала на том, чтобы за мною наблюдал Ее собственный врач. За две недели до появления на свет моего ребенка, когда Императорская Семья должна была отправиться в плавание на яхте «Штандарт», мой муж получил приказ взять отпуск и остаться со мной. Этим вниманием к себе я была обязана Ее Величеству. Как и в случае с радиограммой, эпизод этот вызвал мелочную зависть и множество пересудов.

Однако младенец не торопился появляться на свет, и когда Императорская Семья вернулась в Царское Село, первыми словами Его Величества, с которыми он обратился к моему мужу, были следующие:

– Ну как, родился ребенок?

Пока нет, Ваше Императорское Величество.

Ну ничего, Ден, не волнуйтесь. Такое часто случается, знаете ли.

Но на следующее утро у меня родился сын. Вскоре после этого ко мне пришла Анна Вырубова, чтобы от имени Императрицы справиться о нашем здоровье. Она принесла с собой две чудные иконы и пакет, завернутый в шелковую бумагу, украшенную розами. В пакете оказался легкий пуховый платок. К моему несказанному счастью, Анна сообщила мне, что Ее Величество желает быть крестной матерью моему малышу.

Это была огромная честь, но тут возникли трудности, поскольку Дены, чтобы унаследовать известные суммы, должны были креститься по лютеранскому обряду. Императрицу уведомили об этом, и хотя тогда она не стала возражать, впоследствии мне пришлось убедиться, как прониклась Она религией ее новой родины. Во время первого крещения Ее Величество присутствовала лично и держала на своих руках младенца, которого называли Александром-Леонидом. Государыня подарила мне чудную брошь, украшенную сапфиром и бриллиантами, и множество всякой всячины. В течение семи лет вопрос о религиозной принадлежности ребенка не обсуждался. Однако после того, как прошел этот срок, Ее Величество призналась, что самое большое Ее желание в том, чтобы Тити (так она называла моего сына) принял Святое Православие.

– Это больше чем желание, Лили, – проговорила Она, серьезным взглядом посмотрев на меня. – Это Мое повеление. Я настаиваю на том, чтобы Мой крестник был православным. Его нужно крестить до Рождества.

Эта спокойная твердость служила, на мой взгляд, убедительным свидетельством того, насколько русской стала Государыня Императрица. Некоторые станут утверждать, будто большинство неопитов обычно становятся фанатиками новой веры, но в данном случае все было иначе. Благодаря своей добросовестности и доскональности, о которой я уже отзывалась как об одной из главных Ее черт, Государыня была более русской, чем большинство русских,

и в большей степени православной, чем большинство православных. Ее любовь к Богу и Ее вера в Его милосердие были для Государыни важнее любви к Мужу и Детям, и Она находила наивысшее утешение в религии еще в ту пору, когда Ее окружали великолепия и блеск Царской власти. И в горькие годы заточения, на пути к Голгофе, Императрица черпала силы в Своем религиозном чувстве. Если же Она действительно встретила Свою кончину в том отвратительном екатеринбургском подвале, то, я уверена, именно все та же горячая вера поддержала Ее в смертный час. Ее Величество когда-то призналась мне, что не решалась выйти замуж за Государя до тех пор, пока не почувствовала, что не пойдет против своей совести, если примет Его предложение, сказав с полной убежденностью: «Твоя страна будет Моей страной, Твой народ – Моим народом и Твой Бог – Моим Богом».

Во второй раз Тити крестили в Феодоровском (Федоровском) Государевом соборе». В Царское Село я приехала из Ревеля, и таинство крещения состоялось в восемь часов утра». На первой службе присутствовали Великие княжны Мария и Анастасия Николаевны. Государыня же, которой накануне нездоровилось, прибыла вместе с Его Величеством и Свитой ко второй службе, после чего они причастились Святых Тайн Христовых. Тити пришлось присутствовать на обеих службах, но он оказался молодцом и все это время бережно и уверенно держал затепленную свечу.

После богослужения мы вернулись во Дворец, и Ее Величество была взволнована гораздо больше, чем во время первого крещения. Я убедилась, как заботила Ее необходимость смены религии все эти годы. Она поведала мне о том, какое Она испытывает облегчение и радость оттого, что теперь с Ее крестником все обстоит благополучно. Ее Величество подарила мальчику чудный образ св. Александра и крестик, на котором были выгравированы Ее инициалы. Но я должна вернуться назад – я отвлеклась от своего повествования, чтобы представить свидетельство того, насколько русской была в душе своей Государыня. Все показное было совершенно чуждо Ей. Узнав Ее, было невозможно сомневаться в Ее искренности.

Ее Величество была всегда очень мила и с моим Тити. В детях Она души не чаяла и часто приходила ко мне в дом, чтобы понынчить младенца и насвистеть ему мелодию. Это Ее развлекало. Государыня уверяла меня, что Тити узнает Ее свист и всегда открывает глазки, слышав его. Помню, утром после «лютеранского» крещения Ее Величество нанесла мне неожиданный визит.

– «Я пришла, чтобы взглянуть на малыша», – проговорила Она. – Позвольте, Я схожу в детскую и принесу его.

Следом за Государыней я поднялась наверх. Она вынула Тити из кроватки и принесла в гостиную. Сев прямо на ковер, Она около часа играла с ребенком.

Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что наша дружба с Государыней приобрела особенно тесный характер после рождения моего Тити. Именно тогда Ее Величество впервые назвала меня Лили. С этим именем во время революции было много недоразумений, в этой моей подписи бдительные «стражи революции» пытались найти какой-то тайный смысл.

Какое-то время в том году Императорская Семья провела в Финляндии, муж мой должен был сопровождать Ее. Мы же с сыном отправились к его родителям. Зимой я жила в Петрограде, мне довелось часто встречаться с Императорской Семьей, и я Их Всех полюбила. Жили они очень простой жизнью: по вечерам Государь нередко играл в домино, а мы вместе с Ее Величеством и Их Высочествами рукодельничали. Они вели поистине семейную жизнь, именно такая жизнь была Им всем по душе как личностям.

Но петербургский свет, с которым у Ее Величества не было ничего общего, косо смотрел на такого рода образ жизни Царской Семьи. Я впервые встречала Рождество в Петрограде и поэтому решила устроить для своего сына елку. В сочельник я вернулась домой с покупками под вечер, а в шесть часов прибыл посыльный, принесший большую коробку, полную всяких

сюрпризов. Это был подарок от Ее Величества. Такую же коробку Она неизменно присылала на Пасху, и всегда в шесть часов. Подарки приходили настолько точно в срок, что мой муж нередко прятал коробку, приговаривая при этом, что обо мне забыли. Но меня не проведешь – Государыня не из тех, кто забывает друзей!

Мы получили приглашение провести Рождественский день вместе с Императорской Семей. Во Дворце стояла огромная рождественская елка. Великие княжны и Цесаревич от души веселились и делили рождественские подарки. У Ее Величества была своего рода слабость: Она непременно хотела, чтобы свечи на елке задувала Она сама. Она гордилась тем, что особенно сильной струей воздуха Ей удавалось погасить самую верхнюю свечу.

И вот теперь я должна рассказать о подлинной Царице, Императрице, чья истинная сущность известна лишь немногим, – Царице, которая была самой оболганной и несчастной из людей. Я верю всем сердцем, что Время – лучший из всех историков – все расставит по местам и прольет свет на то, что было покрыто мраком. Уже теперь, правда медленно, но верно, люди начинают сомневаться в том, что Русская Императрица была пособницей немцев и экзальтированной истеричкой, как утверждали клеветники. Она не опустилась до того, чтобы оправдываться перед злопыхателями и лжецами, сеявшими гнусные слухи по всей России. Для такой натуры, какой была наделена Императрица, подобного рода испытания непосланы свыше. И Ей оставалось одно – переносить эти испытания. Но я видела в Ее глазах слезы, когда Их Величества узнали о гибели «Гемпшира» с лордом Китченером на борту». Это не были крокодиловы слезы.

Ее Величество испытывала подлинную печаль как женщина и как Императрица, которой поведали о смерти отважного воина. Однако всякий раз, когда Ее имя упоминают в Англии, обыватели ничтоже сумняшеся роняют: «Ах, это она позаботилась о том, чтобы потопили „Гемпшир“». К тому же она еще была и любовницей Распутина, разве не так?»

Пособница немцев, любовница Распутина! Неужели такой эпитафии заслужила эта Женщина – Друг, которого я знала, Императрица, которую я почитала как Ее подданная? Я прекрасно понимаю, что излишняя горячность может только повредить памяти Государыни, но тем не менее я не могу удержаться от того, чтобы не написать о Ее Величестве – такой, какой я видела Ее в домашней обстановке, какой Она запечатлелась в наших сердцах.

Я читала и слушала почти все обвинения, выдвинутые против Нее; я не принадлежу к числу маститых писателей и почти ничего не смыслю в политике, но зато могу утверждать, что я достаточно хорошо изучила представительниц своего пола. В те жуткие дни смуты Императрица разговаривала со мной как женщина с женщиной. Она то и дело возвращалась в мыслях к своему девичеству, к жизни с бабушкой, Королевой Викторией, и несчастному детству в Гессен-Дармштадте.

Государя Она полюбила на всю жизнь. Она сама призналась мне, что Он был первой Ее любовью, но чем больше становилась Ее любовь, тем сильнее становился страх что Она может оказаться недостойной Своего Возлюбленного. Выйдя замуж, Она всецело отдала себя России и сочла, что ее священный долг – заботиться о благе России. Однако Их Величества всегда были в большей степени супругами, чем императором и императрицей. Они жили счастливой семейной жизнью, у Них были простые вкусы, Они избегали посторонних, Им претила всякая популярность. И вот это стремление к уединенной жизни послужило причиной многих клеветнических измышлений, объектом которых становилась Царская Семья.

Ее Величество рассказала мне, что, увидев Ее слезы во время свадьбы брата, злые языки стали утверждать, будто то были слезы зависти, будто Она расстроилась из-за того, что отныне ей нельзя будет командовать братом».

– Но, Лили, Я, совсем не завидовала. Я плакала оттого, что вспомнила маму. Ведь после ее смерти это был первый праздник в нашем доме. Мне казалось, что я вижу Ее на каждом шагу».

Она поведала мне о том, каким унылым был их дворец, как строга дисциплина, иногда ослаблявшаяся порывами нежности со стороны отца, с каким нетерпением Она ожидала поездки в Виндзор. Мне кажется, что именно тесное общение с бабушкой послужило невольной причиной того, что в характере Ее Величества появилась свойственная раннему периоду викторианской эры особенность. Во многих отношениях Государыня была викторианкой; вместе с бабушкой Она разделяла приверженность закону и порядку, верность семейному долгу, неприязнь ко всему «модерновому». Свойственна была Ей и расчетливость Кобургов», которая так раздражала светскую чернь.

Русские аристократы никак не могли взять в толк, с чего это их Императрице вздумалось вязать шарфы и шерстяные платки и дарить им эти вязаные изделия или же отрезки на костюмы. У них было совершенно другое представление о том, каким должен быть Царский подарок.

Им было невдомек, с какой любовью вязала Государыня этот злосчастный шарф или платок. Однако Ее Величество, проникнутая викторианскими представлениями о дружбе, не могла и не хотела понять, что старания Ее напрасны. Во многих отношениях Государыня была такой же бережливой, как и Ее бабушка, Королева Виктория, хотя Ей была чужда скарденность Ее дяди, покойного герцога Саксен-Кобург-Готского – Отец Ее Величества был человеком небогатым, и жизнь в Дармштадте порой требовала экономии средств. Государыню с младых ногтей учили быть экономной. И Она была экономной.

После помолвки, Лили, Я показала бабушке некоторые драгоценности, которые подарил Мне Государь. Как вы полагаете, что Она при этом сказала?

Представления не имею, Ваше Величество.

Ну так вот... Она посмотрела на Мои бриллианты и произнесла: «Смотри, Алике, не возгордись чересчур!». Королева была крошечного роста, но любила длинные шлейфы... Это была очень сильная и волевая женщина. – Затем, задумавшись, Ее Величество добавила: – Нам с Моей сестрой Эллой всегда нравились домики в Англии... славные домики, окруженные чудными садиками. Когда-нибудь вы их увидите, а Я – нет.

Королеве Виктории удалось внушить своей Внучке весь спектр обязанностей Hausfrau (домохозяйки). Неизменно придерживаясь раз и навсегда установленных канонов, Государыня демонстрировала черты, присущие немцам и англичанам, но отнюдь не русским. Я уже упоминала о том ужасе, который охватил Ее, когда Она, впервые прибыв в Петроград, выяснила, что прислуга не имеет ни малейшего представления о том, как следует использовать жидкий графит. Это по-настоящему обеспокоило Государыню.

– Я хотела, чтобы у Меня в доме каминные решетки покрывали графитом каждый день, – заявила Она. – Они были в ужасном состоянии, поэтому Я вызвала к себе одну из Моих служанок и велела ей привести в порядок решетки. Но тут выяснилось, что она даже не знает, о чем идет речь. Впоследствии послали за лакеем, но вы только представьте себе, Лили, Мне самой пришлось показывать ему, как следует покрывать графитом решетки.

Практичность, деловая сметка Ее Величества были не по нраву Свите – над этими ее качествами злопыхатели смеялись и осуждали Государыню за то, что Она удостаивала Своей дружбой лиц, которые, по их мнению, не стоят внимания Императрицы Всероссийской. Мы с Анной подпадали под эту категорию, поскольку, хотя мы и происходили из хороших семей, в наших жилах не текла «sang azur» (голубая кровь), в отличие от некоторых великосветских дам, жаждавших попасть в число особ, приближенных к Императорской Семье.

Ее Величество обвиняли в том, что Она слишком демократична. Но Государыня была непреклонна: Она никому не позволяла диктовать Ей вкусы. Меня иногда удивляло, почему Она предпочитает друзей попроще, а не из более привилегированных кругов. Однажды я набралась смелости и задала Ей такой вопрос. Она мне призналась (хотя об этом мне было известно), что Она болезненно застенчива и незнакомые лица чуть ли не пугают ее.

– Мек ек безразлично, что, богато или же бедно то или иное лицо. Для Меня друг, каким бы он не был, всегда остается другом.

Действительно, этого у нее не отнять, Она поистине была верным другом, и дружбу, как и обязанности, которые она накладывала, ставила выше всяческих материальных выгод. Как женщина она поступала правильно, а как Императрица, возможно, и нет.

Великосветская чернь никогда не пыталась понять подлинную натуру Ее Величества. Ослепленные гордыней, аристократы ополчались на Нее, не зная никакого снисхождения. Мне вспоминается один случай, подтверждающий это, – случай, о котором много было тогда разговоров.

Княгиня Барятинская

Княгиня Барятинская, одна из фрейлин Ее Величества, была очаровательной дамой, но, подобно большинству представительниц аристократических семейств, была большой гордячкой. Однажды, узнав, что Ее Величество собирается на прогулку, княгиня приготовилась сопровождать Ее, но Государыня вышла из Дворца через другой подъезд в обществе госпожи Шнейдер, русской дамы, дававшей Ее Величеству уроки русского языка.

Невольно нанесенную ей обиду княгиня не смогла стерпеть. Она надела на себя шляпу и ушла навсегда из Дворца, заметив напоследок: «Когда кто-то из Барятинских надевает свою шляпу, то лишь для того, чтобы больше не вернуться назад».

Ее Величество не переносила всяческий снобизм. Однажды во время японской войны она работала в одном из помещений Зимнего Дворца. Окна его выходили на набережную Невы. С того места, где сидела Ее Величество, можно было наблюдать за солдатами и офицерами, проходившими мимо Дворца. Неожиданно Она внимательно посмотрела в окно и недовольно вздохнула. На лице ее было написано крайнее негодование. Кто-то из офицеров, находившихся во Дворце, осмелился спросить у нее, в чем дело. Ее Величество указала на набережную:

– Вот в чем, – проговорила Она. Выяснилось, что проходившие мимо одного из офицеров солдаты отдали ему честь, но тот им не ответил тем же. – Почему же офицер не уважает солдат, рядом с которыми он может однажды пасть? Терпеть не могу таких снобов, – добавила Она с холодком в голосе.

Клеветническим измышлениям и злобным сплетням, задевающим Ее Величество, люди – увы! – будут еще долго верить. Ей приписывают склонность к оккультизму, Она якобы участвовала в спиритических сеансах и даже пыталась вызвать тени великих людей, с тем чтобы повлиять на Государя, который якобы и Сам занимался спиритизмом в залах Зимнего Дворца. Очевидно, слухи эти объяснялись тем, что Ее Величество вела довольно уединенную жизнь. Зачастую уединение это было вынужденным: у Ее Величества было слабое здоровье, но хотя многие авторы утверждают, будто Она страдала болезнью, унаследованной от отца, сама Императрица никогда мне об этом не упоминала.

Она страдала пороком сердца из-за частых родов, а иногда у Нее появлялась одышка. Но я не замечала в Ней ни малейших признаков истерии. Иногда Ее Величество охватывал внезапный гнев, но Она обычно умела сдерживать Свои чувства. Кроме хрупкого здоровья, были и другие причины для того, чтобы Она чуралась общества. Цесаревич и Их Высочества часто болели, а Государыня, как преданная мать, настаивала на том, чтобы быть рядом с детьми и выполнять обязанности сиделки. В Государыне было очень развито материнское чувство; Она особенно была счастлива, когда могла о ком-то заботиться. Если какое-то лицо завоевывало Ее привязанность и доверие, то Она начинала проявлять интерес к малейшим деталям его или ее жизни.

Ее склонность к оккультизму сильно преувеличена. Она была суеверной, но Ее суеверия были вполне невинного свойства: Она полагала, что в путешествие следует отправляться в ясную погоду; а когда дарят икону – это недобрый знак. Что же касается Ее пристрастия к свастике, то оно объясняется тем, что в глазах Ее Величества она представляла собой не амулет, а некий символ. По Ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой Божественного начала.

«Вера, Надежда, Любовь – это все, что имеет значение», – имела обыкновение говорить Ее Величество. Я готова признать, что в Ее жизни присутствовал элемент мистицизма; в этом было что-то сродни свойствам провидца, которыми был наделен Ее дед», принц-супруг царствующей особы. Что же касается окружения и Православия, которое Она приняла, то они лишь способствовали развитию в Ее Величестве этого мистического чувства. Английские авторы осуждают в ней эту черту. Передо мной лежит книга, в которой автор приводит мнение одного из самых убежденных противников государыни. «Александра Федоровна, – изрекает он, – представляет собой интересный тип – объект для будущих психологов, историков и авторов драматических произведений... Немецкая принцесса, получившая воспитание в Англии и оказавшаяся на русском престоле, участница религиозной секты, основанной крестьянином, и адепт оккультизма. Она создана из того же материала, из которого были созданы те ужасные, с тираническими наклонностями, принцессы XV—XVII веков, жившие в западноевропейских странах, – те самые принцессы, которые в одном лице соединяли деспота, не брезгующего колдовством, и фанатического провидца и которые целиком находились в руках их реакционных советников и лукавых исповедников».

Книгу, в которой содержится этот отрывок, я прочитала до того, как принялась писать свои воспоминания о подлинной Царице. Когда я читала некоторые места, то глаза мои были полны слез, и подчас мне казалось, что я берусь за непосильную задачу. Под силу ли мне, лицу, никому не известному в Англии, опровергнуть подобные измышления? Я ни на секунду не допускаю, что автор той книги был настроен предубежденно против Ее Величества; он писал «в назидание потомству», выражая при этом собственное мнение, как и мнения других лиц. Но любопытно выяснить, сталкивался ли он когда-нибудь с Государыней лицом к лицу, наблюдал ли он в непосредственной близости жизнь Императорской Семьи? Едва ли. Я же знала Ее Величество лично и собственными глазами видела, как живет Царская Семья. При чем не только до войны и в военные годы, но и в дни невзгод, когда жестокая расправа и внезапная смерть поджидали нас на каждом углу. В такое время люди не притворяются -и все же

Ее Величество не изменилась ни на йоту, Она оставалась все той же самоотверженной душой, все той же преданной матерью и супругой, все тем же верным другом.

Я так заинтересовалась богатой фантазией этой «придворной дамы», что попросила одну свою подругу написать соавтору и от моего имени узнать имя этой дамы. В просьбе моей было отказано. Упомянутый соавтор заявил, что дал «честное благородное слово» не раскрывать личность своей помощницы!

О какой честности и благородстве может тут идти речь? В книге было множество клеветнических измышлений в адрес Ее Величества, она кишела неточностями; а истории, рассказанные мнимой «придворной дамой», представляли собой сплошную ложь! Но ведь лицо, которое утверждает, будто все это не выдумки, а правда, должно бы набраться смелости и открыто ответить на ряд вопросов. Или же вы делаем какое-то заявление и отвечаете за него, или же вы помалкиваете. Если вы убеждены в том, что это правда, то не следует стыдиться сказать, почему, с какой целью вы это заявили, и указать на источник вашей информации. Я склонна считать, что фраза: «Я дал слово не говорить никому о том, откуда я это узнал» – дешево стоит, что она свидетельствует лишь о том, что мы имеем дело с клеветой и сплетней, которым не место ни в книгах, ни в повседневной жизни.

Императрица Александра

Государыня была ранней пташкой. При ней состояло шесть горничных. Старшая из них, Мадлена Занотти, итальянка по происхождению, принадлежала к семье, исстари состоявшей на службе у Великих герцогов Гессенских. Луиза Тутельберг, которую все звали Тутель, стоявшая на втором месте, была родом из Прибалтийского края. В их распоряжении состояло еще четверо помощниц. Камеристки, в обязанности которых входило одевать и раздевать Императрицу, служили по три дня в неделю, однако ни одна из них ни разу не видела Ее Величество раздетой или принимающей ванну.

Государыня поднималась с постели и принимала ванну без всякой посторонней помощи. Когда же Ей требовалось прибрать свои волосы, поверх белья она набрасывала японское кимоно – шелковое или же ситцевое. Причесывалась и одевалась Ее Величество чрезвычайно скромно, в чем снова проявлялось влияние викторианской эпохи. То же можно было сказать и об убранстве ее спальни, где соблюдалась мода Виндзорского и Букингем-ского дворцов, восходившая к 1840 году. Ей претило все броское, театральное как при выборе белья, так и в убранстве спальни. Белье Она носила из тонкого полотна, с чудными вышивками, но простого покроя. Ее рыжевато-золотистых волос никогда не касались щипцы для завивки, прическу Она предпочитала самую простую и лишь для праздников и важных приемов изменяла своей привычке и позволяла себе более замысловатую прическу.

Опочивальня Их Величеств представляла собой просторную комнату с двумя окнами, выходящими в парк. Находилась она на первом этаже: из-за слабого сердца" величеству было трудно подниматься по лестнице. С помощью лифта, расположенного в коридоре, можно было попасть в детские, но во время революции водоснабжение было отключено, и лифт не работал. И тем не менее Ее Величество непременно навещала больных Великих княжон. Я всякий раз сопровождала Ее, поддерживая под руку, когда Она с трудом преодолевала ступени. Я не могла сдержать слезы, видя, как слаба Ее Величество, которая тем не менее была полна решимости не упустить ни единой возможности повидаться со своими любимыми Чадами. Большая двуспальная кровать светлого дерева стояла около окон, в простенке между которыми помещался туалетный столик Ее Величества. Справа от кровати в стене была пробита небольшая дверь, которая вела в крохотную молельню без окон, освещенную лампадами, где любила молиться Государыня. В молельне размещался столик и аналой, на котором лежало Священное Писание и образ Спасителя. Образ этот Ее Величество впоследствии подарила мне в память о тех днях, которые мы вместе прожили в Царском Селе. Это одно из самых больших моих сокровищ.

Мебель в Императорской спальне была обита тканью с орнаментом из цветов, на полу-мохнатый ковер лилового цвета. Туалетная комната Его Величества отделялась от спальни коридором. Напротив нее находилась туалетная комната и ванная Государыни, где не было ни следа показной роскоши и «странных» затей, о которых твердили злые языки. Ванна была не из серебра и не из мрамора, а самая обыкновенная, старинная ванна, помещенная в нишу. Ее величество, которой никогда не изменяло Ее викторианское стремление к аккуратности, требовала, чтобы в дневное время ванна драпировалась занавеской из кретона. В туалетной комнате Ее Величества стоял камин. На тот случай, если понадобятся их услуги, горничные находились в соседней комнате. Здесь хранились платья Государыни. В комнате между этажами, в которой стояло множество больших шкафов, хозяйничали горничные, в обязанности которых входило глаженье и починка одежды Ее Величества.

Государыня предпочитала обувь с длинным заостренным носком. Она обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли Она никогда не надевала.

Терпеть не могу атласных туфель, они меня раздражают, – признавалась Императрица. За исключением платьев, которые Ее Величество надевала в торжественных случаях, они у Нее были совсем простого покроя. Она любила носить блузки с юбкой, обожала платья, надеваемые к чаю. Утонченностью своих вкусов в одежде Она напоминала Английскую Королеву Марию». Подобно ей, Императрица отрицательно относилась к «последнему крику моды». Никогда не забуду, как неприятно поражена была Ее Величество, когда Она увидела на мне узкую юбку.

Неужели Вам действительно нравится эта юбка, Лили? – спросила Она.

Видите ли, Ваше Величество, – растерянно начала я, – это модно.

Да разве это юбка? – возразила Она. – Что же, Лили, докажите Мне, что в ней удобно. Попробуйте-ка, пробегитесь. Посмотрим, как Вы в ней бегаєте.

Нечего и говорить о том, что больше эту юбку я не надевала.

Ее Величество обвиняли в пристрастии к драгоценностям. Ничего подобного я за Ней не замечала. Правда, у Нее было множество чудных самоцветов, но Ее положение Императрицы Всероссийской давало Ей право владеть ими. Перстни и браслеты Она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями. Некоторые авторы утверждают, будто бы крест был усыпан изумрудами. Я не согласна с этим. Я уверена, что это были сапфиры, и поскольку я видела этот крест каждый день, то думаю, что я права.

У Ее Величества были мягкие, красивой формы руки. Руки, которые никогда не оставались без дела. Ногти Она никогда не полировала, поскольку Его Величество муж Николай II терпеть не мог маникюренные ногти.

В девять утра Государыня завтракала вместе с Августейшим Супругом. Завтрак был простой, на английский манер. После завтрака Ее Величество поднималась вверх к своим детям. Потом появлялась Анна Вырубова. Если оказывалось, что необходимо с кем-то встретиться, то аудиенции давались утром. Однако в том случае, если Государыня оказывалась «свободной», то Она отправлялась в училище для детских воспитательниц, организованное по английскому образцу. Она была твердо убеждена в необходимости таких воспитательниц и вкладывала свою душу в работу и надлежащее руководство этим учебным заведением.

Ленч был в час дня, а по воскресным дням – в половине первого; но если Государыня испытывала недомогание, что происходило с ней довольно часто, то ленч Ей или подавали в лиловую гостиную, или же Она трапезничала вместе с Цесаревичем. После ленча Ее Величество прогуливалась или же каталась в легкой открытой коляске. Чай подавали в пять часов. Иногда в промежутки между ленчем и чаем устраивались приемы. Вся Императорская Семья встречалась за чаем, проходившим совсем «по-семейному». Обедали в восемь. Постоянной столовой не было: Государь не любил обедать в каком-то одном помещении, поэтому обеденный стол несли в ту комнату, в которой Ему в тот вечер хотелось пообедать.

После обеда (обычно очень простого, без затей) Императорская Семья проводила остаток вечера вместе. Их Высочества, питавшие страсть к головоломкам, обычно ими и занимались. Иногда Его Величество читал вслух, в то время как Дочери и Их Родительница работали. Эта дружная Семья жила бесхитростной жизнью – жизнью, которой не одобряла светская чернь. Более того, один из русских авторов договорился до того, что, по его мнению, «для блага России было бы лучше, если бы Императрице были свойственны многие слабости, какие приписывали Екатерине II». Даже смешно и задерживать свое внимание на заявлении подобного рода, если вспомнить, с каким осуждением газеты и широкие круги общества относились к Ее знакомству с Распутиным. Но если бы Она была Екатериной II, то, вероятно, эту Ее «слабость» могли бы счесть необходимой для «блага» России!

Гостиная Ее Величества, известная как «Лиловый будуар Императрицы», представляла собой чудную комнату, где можно было наблюдать пристрастие Ее хозяйки ко всем оттенкам лилового цвета. Весной и в зимнее время воздух в ней был пронизан ароматом сирени и ландышей, которые целыми корзинами ежедневно присылали во дворец с Ривьеры. Стены были украшены великолепными картинами. Над кушеткой висела огромная картина «Сон Пресвятой Богородицы», на другой стене висела картина, изображающая св. Цецилию, напротив нее – портрет принцессы Алисы, Великой герцогини Гессен-Дармштадтской, матери Ее Величества. Мебель лиловая с белым, множество уютных уголков. На большом столе множество семейных фотографий, на самом почетном месте – фотография Королевы Виктории.

Вторая гостиная представляла собой просторную комнату, где предметы убранства и обивка мебели были всех оттенков зеленого цвета. По желанию Ее Величества в одном углу была пристроена небольшая лесенка и балкон, который весной утопал в фиалках. В этой ком-

нате висели портреты Их Величеств и несколько изысканных миниатюр Их Высочеств, выполненных Каульбахом». Особенно хорош был портрет Великой княжны Марии Николаевны.

Книг было множество; Ее Величество очень много читала, но Ее главным образом интересовала серьезная литература. Библию Она знала от корки до корки. Библиотека находилась рядом с зеленой гостиной, где на круглом столике лежали книжные новинки и свежие номера журналов, тотчас же заменявшиеся самыми последними, по мере их выхода в свет.

Ее Величество была большой любительницей писать письма. Писала Она повсюду, где Ей только заблагорассудится. Бюро Ее стояло в комнате рядом со спальней, но я часто видела, как Она пишет прямо на коленях, подложив под листок блокнот. Причем неизменно использовала вечное перо. До войны Она ежедневно писала своей большой подруге, жившей в Германии, и всякий раз читала мне ответные письма от этой дамы. Почтовая бумага и конверты, как и белье, были обыкновенными, но с инициалами и Императорской короной Ее величества. Поскольку уже отмечалась склонность Государыни к сирени и ландышам, хочу добавить, что Ее величество любила всякие цветы, но в особенности лилии, магнолии, глицинии, рододендроны, фрезии и фиалки. Любовь к цветам сродни любви к духам, и Ее Величество не была исключением. Из духов Она предпочитала «Белую Розу» парфюмерной фирмы Аткинсон. Они, по ее словам, были прозрачными, без всякой примеси, и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала вербену».

Когда я впервые познакомилась с Ее Величеством, Она не курила, но во время революции приохотилась к папиросам. Как мне представляется, курение успокаивало Ее издерганные нервы.

Государыня имела обыкновение вести дневник, но вскоре я расскажу, как мне пришлось сжечь Ее дневники, а также дневники княжны Софьи Орбелиани и Анны Вырубовой и, наконец, все письма, которые отправил Ей Государь – как после Их помолвки, так и во время супружеской жизни Их Величеств.

КНЯЖНА СОФЬЯ ОРБЕЛИАНИ

Доктора Боткина, преданного друга Царской Семьи и лейб-медика, представила мне Анна Вырубова. Он мне сразу пришелся по душе. Это был умный, либерально на-строенный господин, и, хотя его политические воззрения расходились с идеологией монархистов, он настолько привязался к Его Величеству, что позабыл свои прежние взгляды.

Думаю, что на основании моих воспоминаний, которым, я полагаю, нельзя отказать в объективности, читатель убедится, что правителей одной из величайших империй, которые когда-либо знал мир, окружала простота. Простота была характерна для всех их дел, эта же простота привела и к их падению. Их Величества захотели жить, как живут частные лица; они воображали, что в России не принято, да и невозможно, чтобы Царь был обыкновенным человеком со свойственными человеку чувствами. Он символ, воплощение вековых традиций; Царь – это отец народа и в то же время величественный, непобедимый и недоступный монарх. Император или Императрица, так сказать, в домашнем халате никогда не задевали души своих подданных. Подобно тому как английский фермер хранил и берег безобразные олеографии, изображавшие Королеву Викторию со знаками своей королевской власти, так и русский крестьянин лелеял дешевые репродукции, изображавшие Государя Императора и его Августейшую Супругу в Царском облачении. Ни фермеру, ни крестьянину не пришлось бы по вкусу «семейные» фотографии их властелинов. Воображение простолюдина влекут порфиры, горностаевые мантии, золотые короны и скипетры – символы Царской власти. Все остальное его не интересует и не представляет для него ценности.

В марте, после рождения моего Тити, Ее Величество написала мне, что ей не терпится повидать своего крестника, которому тогда исполнилось девять месяцев. И я с сыном отправилась в Царское Село. Их Высочества возились с малышом и по очереди купали его. Устроились мы в домике Анны, где под личным наблюдением Государыни была приготовлена комната для ребенка. Она прислала для него кроватку, а занавески и покрывало Она связала собственноручно. Ее Величество часами занималась с мальчиком, играла с ним, фотографировала. После первого визита мне то и дело передавали «повеление» «прибыть и привезти с собой младенца». Помню, однажды я опоздала на поезд и не успела к ленчу. Ее Величество, которая ждала меня, заметив мою усталость, велела подать чай. Посадив Тити к себе на колени, Она проговорила:

– Я вижу, Лили, Вы голодны и утомлены. – с этими словами Она принялась потчевать меня бутербродами – совсем как мать, желающая утешить усталого ребенка. О ней можно сказать, что она была в большей степени матерью, чем сама мать, в большей степени русской, чем сами русские. Любила Она Англию и Россию. Я заявляю совершенно определенно, что любви к Германии, как к своей родине, Она не испытывала. Ей дорог был Дармштадт, поскольку в Ее глазах это был Ее домашний очаг, но никакой привязанности к другим областям Германии у Ее Величества не было.

Шли месяцы, и все больше крепла наша дружба с Государыней. Осенью Императорская Семья отправилась в Ливадию, где я гостила у своего дядюшки и, таким образом, имела возможность часто бывать в Ливадийском Дворце Царской Четы. В первый же день, как только я встретила Ее Величество в Ливадии, Она вручила мне комплект приданого для Тити, изготовленный Ею собственноручно. Я было удивилась, когда она телеграфом запросила у меня размер малыша, – теперь я поняла, для чего это Ей понадобилось!

Ее величество нередко заезжала к моему дядюшке и забирала с собой на прогулку моего малыша. Ребенок научился узнавать Ее Величество, и однажды, разглядывая Ее фотографию, он произнес «Бэби»; с тех пор Тити начал называть Императрицу Всероссийскую Тетя Бэби. Он знал Ее лишь под этим именем, и во многих Своих письмах Ее Величество, когда речь шла о Ней самой, ссылалась на это ласкательное прозвище. Нет нужды говорить, что внимание, оказываемое мне и моему малышу Царской Семьей, было темой для всяческих пересудов со стороны придворных.

И я пришла к определенному выводу. Я твердо решила, что никакие материальные соображения не должны повредить этой дружбе, являвшейся источником такой радости для меня. Муж мой целиком был согласен со мной и всякий раз отказывался от постов, о которых время от времени заходила речь. Государыня поняла и одобрила мою точку зрения.

– Вы всегда можете рассчитывать на Меня, если все останется прежним, – сказала Она. – Я не хочу потерять свою Лили, дав ей официальную должность.

ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ В КРЫМУ

Жили мы тогда счастливой жизнью. Великие княжны на глазах превращались из девочек в цветущих, очаровательных девушек. Нельзя сказать, чтобы Они были похожи друг на друга внешне, каждая из Их Высочеств обладала характерной для нее внешностью. Но все Они были наделены милым нравом. Не могу себе даже представить, что нашлись нелюди, которые, говорят, стреляли и наносили удары штыком этим беспомощным созданиям в екатеринбургском доме смерти. Не только их красота, но и их приветливость должны были бы послужить Им защитой. Однако, если правда, что Они погибли, то лучшей эпитафией Им будут эти бессмертные слова: «Милы и прекрасны они были при жизни, и смерть не смогла разлучить их».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.